

УДК 903

Р.С. Васильевский

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17
Новосибирск, 630090, Россия*

ГЕНЕЗИС И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ ПАЦИФИКИ

Введение

Среди проблем тихоокеанской археологии особое внимание исследователей привлекают специфика древней рыболовецкой культуры ительменов, генезис приморских коряков и чукчей, археолого-экологические детерминанты феномена эскимосов, взаимодействия традиций и инноваций в эпоху неолита Камчатки, побережья Охотского моря, Чукотки.

Научное изучение культур Северной Пацифики было начато работами Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции (1897 – 1903 гг.). Многие теоретические положения, разработанные участниками экспедиции, американским этнологом Ф. Боасом [Boas, 1905, p. 98 – 100], российскими этнографами В.Т. Богоразом [Bogoras, 1904 – 1909, p. 281 – 294] и В.Н. Иохельсоном [Jochelson, 1908, p. 428 – 519], за прошедшее столетие не претерпели изменений и до сих пор сохраняют научную значимость. Однако следует учитывать, что выводы и заключения этих исследователей основывались на анализе этнографических, лингвистических, фольклорных материалов. Археологические находки в то время были единичны и не могли служить серьезным историческим источником. Ограниченность источников, бесспорно, сказалась на историко-этнографических реконструкциях, лишив их исторической перспективы.

За последние 30 лет в результате интенсивных археологических исследований, проводившихся в Приморье и Приамурье, на Сахалине и северном побережье Охотского моря, Камчатке и Чукотке, Аляске и Алеутских островах, накоплено много материалов, в том числе по многослойным, стратифицированным стоянкам и поселениям. Они позволяют идентифицировать этнографические данные с определенными ар-

хеологическими культурами и рассматривать этнокультурные контакты на основе конкретной хронологической реальности.

Начиная с раннего голоцена на северо-востоке Азии выявляется несколько очагов автохтонного развития. Один из таких очагов складывался в Северном Приохотье, другой – на Камчатке.

Культурные традиции палеоительменов и неоительменов

Для изучения древних культур Камчатки большое значение имеют материалы раскопок многослойных, стратифицированных стоянок Ушки I, II, IV – VI, расположенных в центре полуострова на берегу оз. Ушковского. На стоянках Ушки I, II, IV прослежена смена семи культуросодержащих слоев, соответствующих верхнему палеолиту – позднему неолиту и эпохе палеометалла [Диков, 1977, с. 43 – 82, 227 – 233; 1979, с. 56 – 61]. Для выяснения истоков неолита Камчатки наибольший интерес представляют материалы, залегающие в 6-м ($10\,860 \pm 400$, $10\,760 \pm 110$), 5-м ($8\,790 \pm 150$) и 4-м слоях. Четвертый слой определяется Н.Н. Диковым как ранненеолитический. Он залегал непосредственно над 5-м слоем [Диков, 1977, с. 230 – 233]. В каменном инвентаре 4-го слоя сохранились многие формы орудий, перешедшие из предшествующей эпохи. В нем, как и в 5-м слое, обнаружены листовидные бифасы, ножи-бифасы, удлинённые остроконечники, наконечники стрел с черешком, концевые скребки, ножевидные пластинки, ретушированные по краю. Вместе с этими изделиями широкое развитие получили призматические и конические нуклеусы, которые полностью заменили клиновидные; стали появляться резцы на фрагментах ножевидных

пластинок, крупные пластины, двусторонне оббитые тесловидные орудия [Там же, с. 11 – 16, табл. 8].

Во многом сходным с раннеолитическим оказывается комплекс 3-го слоя. Проявлением нового здесь можно считать своеобразные напильниковидные трехгранные наконечники двух типов – бесчерешковые и с черешком в основании [Там же, табл. 17]. Не исключено, что оба этих комплекса принадлежат разным этапам одной и той же культуры.

По характеру материала позднеолитические комплексы ушковских стоянок хорошо соотносятся с поселениями тарьинской культуры типа Елизово ($3\,900 \pm 100$ л.н.), Култук ($2\,440 \pm 290$), Ключи, Застойчик [Диков, 1977, с. 113 – 117; 1979, с. 120 – 126]. В составе каменного инвентаря тарьинской культуры наряду с артефактами, унаследованными от предыдущего этапа неолита, встречаются новые изделия: ретушированные вкладышевые лезвия, грушевидные скребки, двусторонне обработанные ножи разных типов (широко- и узкоклинковые с насадом-рукояткой и без насада, т.н. горбатые ножи, ножи с шейкой-перехватом у основания). Ножи таких типов являются определяющими для тарьинской культуры. Среди металлических орудий выделяются двусторонне ретушированные наконечники стрел, копий, дротиков листовидной формы, черешковые, треугольные с прямым или вогнутым основанием, ромбовидные. Появляются шлифованные удлинненно-треугольные по форме топоры и подтреугольные в поперечнике тесла и частично подшлифованные подтреугольные линзовидные в сечении тесла [Диков, 1977, табл. 24 – 29, 34 – 39, 48 – 56]. Отличительная черта тарьинской культуры – наличие миниатюрных скульптурных изображений из обсидиана, выполненных в технике двусторонней ретуши. На стоянке в бухте Тарья найдено пять таких фигурок. Среди них имеются скульптурки человека (два образца), рыбы, тюленя, лисицы или собаки [Руденко, 1948, с. 178, табл. XIV]. Подобные фигурные изображения были широко распространены на Европейском Северо-Востоке. Их интерпретируют как амулеты или предметы культовых обрядов и относят к периоду от позднего неолита до конца бронзового века (конец III – начало I тыс. до н.э.) [Замятнин, 1948, с. 85]. Среди находок примечательны также лабретоподобные проколки, или шпильки, которые свидетельствуют о своеобразном обычае укрощать губы [Диков, 1977, табл. 29; 1979, с. 126 – 128]. Фрагменты глиняных сосудов, обнаруженные на поселениях тарьинской культуры, маловыразительны, слабого обжига и в большинстве случаев не орнаментированы. Впрочем, С.И. Руденко обращал внимание на обнаруженные на поселениях тарьинской (по его терминологии, среднекамчатской) культуры фрагменты толстостенных сосудов, орнаментированных по верхнему краю горизонтальными рядами “накладных

рельефных полосок с желобками между ними” [1948, с. 176, табл. XIII]. О подобной керамике упоминал также В.И. Иохельсон [Jochelson, 1928, fig. 19]. На местах поселений (например, в Култуке) раскопаны остатки жилых построек – полуземлянок (глубина 80 см, диаметр до 10 м) четырехугольной (с закругленными углами) в плане формы, внутри которых находился один, иногда несколько очагов. Жилища имели деревянные перекрытия. По внешнему виду и деталям конструкции полуземлянки напоминают зимние жилища ительманов, подробно описанные еще в XVIII в. С.П. Крашенинниковым [1755, с. 25 – 28].

В этническом отношении тарьинская культура рассматривается исследователями как древнеительменная [Руденко, 1948, с. 179; Диков, 1979, с. 120, 126; Васильевский, 1973, с. 140 – 141]. Принадлежность стоянок тарьинской культуры предками ительменов доказывается многочисленными этнографическими материалами [Дитмар, 1901, с. 210 – 214; Тюшов, 1906, с. 418 – 420; Крашенинников, 1755, с. 25 – 32, 50 – 52; 65 – 69; Вдовин, 1970, с. 28 – 36] и заключениями антропологов [Дебец, 1951, с. 115 – 118; Левин, 1958, с. 225 – 228]. Г.Ф. Дебец, основываясь на ряде антропологических признаков, выделял особый ительменский антропологический тип, представленный среди приморских коряков и современных ительменов [1951, с. 115 – 117]. По мнению М.Г. Левина, формирование этого типа происходило на северном побережье Охотского моря и Камчатке [1958, с. 228, 246]. Если это действительно так, то комплексы вещей из 6 – 4-го слоев ушковских стоянок следует связывать с протоительменами. В этой связи необходимо обратить внимание на систему расположения жилищ, зафиксированную Н.Н. Диковым в 6-м слое стоянки Ушки I: между жилищами-полуземлянками располагались наземные жилища типа шалашей [1977, с. 56]. Такое сочетание группы зимних жилищ-полуземлянок и расположенных рядом “летников” (балаганы) практиковали ительмены в XVIII в. В зимних жилищах (юрты) ительмены жили с осени до весны, а потом переходили в балаганы [Крашенинников, 1755, с. 25 – 28].

На протяжении всего рассматриваемого периода основой экономики древнего населения Камчатки было рыболовство. Как писал С.П. Крашенинников, “вся Камчатка одну питается рыбою” [Там же, с. 310]. Развитие рыболовства имело глубокие корни, которые связаны с финалом плейстоцена ($10\,000 - 12\,000$ л.н.). Н.Н. Диковым в очагах открытых им жилищ 6-го слоя стоянки Ушки I отмечены напластования пережженных костей рыб (лосось) [1977, с. 52 – 56]. Немногочисленность орудий рыболовства на стоянках палеолита и неолита Камчатки объясняется, как подсказывает этнография, тем, что для промысла лососевых во время их массового хода (а именно на такой промысел была ориентирована местная экономика)

коренное население широко использовало разного рода деревянные запоры. Все стоянки связаны с устьями, верховьями, протоками рек – местами хода лосося на нерест.

Таким образом, в археологическом контексте культурных отложений камчатских стоянок, с одной стороны, прослеживается прочность местных традиций, сохранявшихся на протяжении нескольких тысячелетий, от финальных этапов палеолита до позднего неолита, с другой – выявляются инновации – свидетельства взаимодействия культур. На начальном этапе развития тарьинская культура испытывала сильное влияние культур населения южных островов Приморья. Основные ее инновации (черешковые наконечники, узко- и ширококлиновые ножи с шейкой-перехватом у основания, скребки с черешком, тесла с линзовидным поперечным сечением, а также лабретоподобные шпильки-проколки) имеют аналоги в материалах позднего дзёмона Хоккайдо, неолита Сахалина и Курильских островов [Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982, с. 158, 168 – 172; История Дальнего Востока, 1989, с. 87 – 88, 90 – 93]. Наличие в тарьинских комплексах своеобразных напильниковидных трехгранных наконечников, типичных для ымыяхтахской культуры Якутии [Федосеева, 1980, с. 181 – 182], указывает на определенные, возможно спорадические, связи неолитического населения Камчатки с территориями, лежащими к северу от полуострова. Распространение таких наконечников из Якутии происходило, по-видимому, через бассейн Колымы и Западную Чукотку. Это направление прослеживается по серии напильниковидных наконечников на стоянках Придорожная на верхней Колыме, Тытыль на Западной Чукотке, в ритуальном комплексе в верховьях р. Омолон, [Слободин, 1991, с. 15 – 16; Воробей, 1990, с. 117 – 124; Кирьяк, 1989, с. 9 – 11]. Стоянки, родственные тарьинским, обнаружены и значительно севернее основной зоны их концентрации, например в Усть-Полане и на некоторых местонахождениях на п-ове Елистратова [Пташинский, 1990, с. 93 – 96]. В этом районе, по-видимому, происходил процесс взаимодействия тарьинской культуры с позднелитическими культурами Северного Приохотья.

Генезис корякско-чукотской культурной общности

В отличие от Камчатки, где длительное время сохранялась этнокультурная стабильность, в Северном Приохотье культурно-исторические события были более динамичными. В раннем голоцене эти события нашли отражение в материалах стоянок Уптар и Дручак Ветреный (Дручак-В).

Стоянка Уптар открыта и исследована магаданским археологом С.Б. Слободным на 4 – 5-метровой тер-

расе правого берега р. Уптар примерно в 40 км к СЗ от Магадана [Слободин, 1990, с. 65 – 74]. Уптарский комплекс характеризуется ярко выраженной бифасиальной техникой. По образцу угля, взятому из культурного слоя, получена дата $8\,260 \pm 330$ л.н. [Там же, с. 66 – 73]. Изделия из Уптара не имеют прямых параллелей с материалами синхронных или близких по времени известных сегодня стоянок на территории Якутии, Чукотки, Камчатки. Вместе с тем они удивительно похожи на орудия с поселения Осиповка на Амуре. Сходны, например, бифасы миндалевидной формы [Окладников, Деревянко, 1977, с. 159, табл. 105, 1; 106, 1; 108, 1, 6], совершенно идентичны удлинено-листовидные остроконечники. Причем как осиповские, так и уптарские изделия имеют удлинённый и зауженный насад [Там же, табл. 107, 3 – 5; 108, 6]. Аналогичны и специфические тесловидно-скребловидные орудия [Там же, табл. 107, 6].

Еще более впечатляющая каменная индустрия, связывающая Северное Приохотье с дальневосточной культурно-исторической областью, открыта на стоянке Дручак-В. Она расположена к северу от Уптара на южном фесе Колымского нагорья, в районе Охотско-Колымского водораздела в верховьях бассейна р. Чичинча, на правом берегу р. Дручак, в координатах $63^{\circ} 01' \text{ с.ш.}$ и $160^{\circ} 00' \text{ в.д.}$ [Воробей, 1996, с. 24 – 25]. Культурные остатки приурочены к 2-му и 3-му горизонтам покровных отложений. С учетом особенностей стратиграфии стоянки, криогенных процессов автор раскопок рассматривает культуросодержащие горизонты как единый комплекс [Там же, с. 27 – 30]. Коллекция собранных на стоянке каменных изделий очень выразительна и включает 7 358 артефактов. Среди нуклеусов и их заготовок преобладают сделанные на отщепе и бифасах клиновидные микронуклеусы двух модификаций. Большинство из них оформлено в технике Юбецу (по японской терминологии). Три образца нуклеусов И.Е. Воробей рассматривает как леваллуазские (эпилеваллуазские (?)) [Там же, с. 31, рис. 3, 4]. Обращает на себя внимание многочисленность снятых с клиновидных нуклеусов микропропластинок (269 экз.) и лыжевидных сколов (51 экз.). Орудийный ансамбль включает 14 категорий изделий. Ведущее положение среди них занимают выемчатые орудия (110 экз., или 37,3% от общего количества орудийного набора), резцы (35 экз., или 11,9%), скребки и скребла (40 экз., или 13,6%). В группе резцов типологически выделяются срединные, боковые, угловые, трансверсальные с диагональным резцовым сколом, часто ретушированные по краям и у основания. Доминируют трансверсальные резцы на пластинчатых отщепах, единичны срединные [Там же, с. 36 – 39]. И.Е. Воробей, занимавшийся изучением каменной индустрии стоянки Дручак-В, основываясь на палинологических характеристиках отложений и

техничко-типологическом анализе артефактов, датирует комплекс стоянки пределами бореального периода 9 500 – 8 000 л.н. [Там же, с. 49]. Как считает исследователь, дручакский комплекс имеет соответствия в дюктайских на Алдане и ушковских (6-й слой) на Камчатке материалах. Однако генезис и атрибуция этих соответствий им не даются. Убедительно выглядит вывод о том, что знаменитая триада “клиновидные микронуклеусы – резцы верхоленского типа (трансверсальные. – **Р.В.**) – бифасиальные наконечники... позволяют предварительно связывать Дручак-В с докерамическими памятниками Дальнего Востока” [Там же, с. 49]. Действительно, уже первое знакомство с коллекцией стоянки Дручак-В вызывает ассоциации с дальневосточными культурами, в первую очередь с культурой пластин Хоккайдо на севере Японии. И дело здесь не только в диагностически выразительной триаде. Сходство касается целого ряда характерных технических приемов в оформлении каменных инструментов. Примечательны в этом отношении каменные индустрии верхних горизонтов стоянок Татикарусюнаи и пунктов А, В, С Сиратаки-30. Большинство клиновидных нуклеусов комплекса Дручак-В, как отмечалось, сделаны в технике Юбецу. Такая техника доминировала в индустриях Татикарусюнаи и особенно пункта С Сиратаки-30 [Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982, с. 49 – 52, 81 – 84; Деревянко, 1984, с. 67 – 73, табл. 24]. Сходными оказались и некоторые приемы оформления трансверсальных резцов. Это проявилось в обработке одного или двух краев заготовки притупляющей ретушью, в снятии резцового скола у некоторых образцов не под острым, а почти тупым углом [Васильевский, Лавров, Чан Су Бу, 1982, с. 69 – 71, табл. 24; Деревянко, 1984, с. 71 – 73, табл. 26]. Любопытен и такой специфический прием, зафиксированный в материалах стоянки Дручак-В, как специальное утончение вентральной поверхности пластин [Воробей, 1996, с. 50]. Приемы вентральной утонченности пластин, а также снятия на пластинах ударного бугорка отмечены и в каменных индустриях стоянок Татикарусюнаи, Сиратаки-30 [Деревянко, 1984, табл. 29, 11]. Для стоянок Хоккайдо также характерно наличие комбинированных орудий типа скребков-нож, скребков-проколка.

Сказанное свидетельствует о многих совпадениях как в орудийном наборе, так и в технических приемах изготовления орудий. Отсюда соблазнительно предположить, что формирование каменной индустрии стоянки Дручак-В не обошлось без влияния хоккайдской культуры пластин. Однако возможность непосредственного влияния хоккайдских культур на исторические процессы в Северном Приохотье сомнительна. Само развитие культуры пластин на Хоккайдо большинством исследователей связывается с позднплейстоценовыми культурами материка. Сре-

ди культур Русского Дальнего Востока для понимания генезиса раннеголоценовых комплексов Северного Приохотья наиболее продуктивны селемджинская (местонахождения Усть-Ульма I, слой 1, 2а и Усть-Ульма II, слой 1) и генетически связанная с ней осиповская (Гася, Хумми) культуры [Деревянко, Зенин, 1995; Деревянко, Волков, Ли Хон-Джон, 1998]. Элементы позднего этапа (13 000 – 10 000 л.н.) селемджинской культуры прослежены не только в Приамурье (Гася, Хумми), Приморье (Устиновка 1), но и на северо-востоке Азии: в дюктайской культуре Якутии (клиновидные микронуклеусы, листовидные бифасы, диагональные резцы), в 6-м слое стоянки Ушки I на Камчатке (клиновидные микронуклеусы, лыжевидные сколы, листовидные бифасы), на стоянке Хета на верхней Колыме (клиновидные нуклеусы, листовидные бифасы, боковые и диагональные резцы, концевые скребки) [Деревянко, Зенин, 1995, с. 73 – 75; Деревянко, Волков, Ли Хон-Джон, 1998, с. 74 – 80, 102 – 103]. Амурские аналоги обнаруживаются также в материалах стоянок Уптар, Дручак-В в Северном Приохотье. Так, в индустриях Усть-Ульмы I и Хумми широко представлены клиновидные микронуклеусы, выполненные в технике Юбецу [Деревянко, Зенин, 1995, с. 8, 70 – 71, табл. 23, 24; Лапшина, 1999, с. 45 – 47, 92, табл. 29 – 31]. Среди находок со стоянок Усть-Ульма I и Дручак-В тождественны орудийные ансамбли, включающие трансверсальные, боковые и срединные резцы, концевые скребки, бифасиальные остроконечники, проколки [Деревянко, Зенин, 1995, с. 23 – 29, 35 – 37, табл. 13 – 14, 17, 26; Лапшина, 1999, с. 69 – 71, 73 – 75, 80 – 81, табл. 40, 42 – 45, 50].

Триада (клиновидные микронуклеусы, диагональные резцы, листовидные бифасы) остается и сегодня “золотым стандартом” для определения степени взаимодействия культур позднего плейстоцена – раннего голоцена. Приамурские культуры, как более ранние, являлись субстратами для формирования традиций каменных индустрий (техники клиновидного микронуклеуса, бифасиальной, резцово-трансверсальной) Северного Приохотья. Важно, что многослойность ульминских стоянок позволяет проследить, как отмечают авторы исследований, эволюцию “культурной традиции каменного века от начала сартанского времени до раннего голоцена” [Деревянко, Зенин, 1995, с. 70]. Миграции осиповцев из бассейна Амура на Северо-Восток начались, по-видимому, в конце плейстоцена, приостановились в период резкого похолодания в промежутке 9 500 – 10 000 л.н. и возобновились с наступлением “раннеголоценового теплого времени” 8 500 – 9 200 л.н. [Хотинский, 1977, с. 156 – 162]. Носители амурских культур, продвигаясь по водоразделам рек, распространились к востоку от Охотско-Колымского водораздела и

занимали экологические ниши между речными долинами Северного Приохотья, которое в это время из-за больших стад диких оленей стало своеобразным центром притяжения мигрантов. Материалы стоянки Дручак-В выразительно отражают эти процессы. Важно, что они дополняются материалами другой репрезентативной стоянки – Уптар и коррелируются по технико-типологическим показателям. Различия между комплексами Дручак-В и Уптар проявляются в основном в разной степени развития бифасиальной и резцовой техник. На стоянке Уптар доминирует бифасиальная техника и слабо развита резцовая, на стоянке Дручак-В преобладает резцовая – резцово-трансверсиальная. Эти особенности обусловлены, скорее всего, различиями в хозяйственной направленности обитателей стоянок. Широкая номенклатура резцов в инвентаре Дручак-В указывает на интенсивную обработку кости, поскольку резцы как инструменты были приспособлены прежде всего для резания кости и рога. Отсюда можно заключить, что обитатели стоянки Дручак-В охотились не только на оленей, но и на более крупных животных (лось, горные бараны). На стоянке Уптар представлены серии метательных наконечников – бифасов (дротики, копья), функционально предназначенных, как свидетельствуют данные этнографии, для охоты на оленей. Важно и то, что стоянка расположена на берегу нерестовой р. Уптар. Очевидно, уптарцы не только охотились на оленей, но и занимались промыслом лосося во время его хода на нерест.

В целом стоянки Дручак-В и Уптар родственны и представляют одну раннеголоценовую культуру. В ее круг могут быть включены также стоянки Буюнда III, VII, Уртычук, Джугаджака, для каменных индустрий которых характерны бифасиальная, пластинчатая и резцовые (Буюнда III) техники [Слободин, 1999, с. 73 – 82, 86 – 95]. Взаимоотношения этой раннеголоценовой культуры, которую можно назвать уптарской (по первому раннеголоценовому местонахождению, открытому С.Б. Слободиным в Северном Приохотье), с дюктайской культурой Якутии не очень ясны. Каменная индустрия уптарской стоянки не находит аналогий в материалах дюктайской культуры. В инвентаре комплекса Дручак-В прослеживаются отдельные параллели с дюктайскими изделиями (клиновидные нуклеусы, оформленные в технике Юбецу, снятые с них краевые и лыжевидные сколы) [Мочанов, 1977, с. 14, 16, табл. 1, 2, 4]. Но эти аналогии повторяются и в материалах стоянки Хета на Колыме [Слободин, Глушкова, 1992, с. 16, 226 – 228, табл. 2, 4]. Учитывая эти факты, дюктайская культура не имела прямого влияния на формирование раннеголоценовых культур Северного Приохотья. Внедрение в их среду отдельно дюктайских вещей и идей происходило опосредовано, очевидно, через стоянки типа Хета на

верхней Колыме, в каменной индустрии которой прослеживается смешение традиций дюктайской и осиповской культур.

На археологическом поле Приохотья на рубеже плейстоцена – голоцена, в раннем голоцене ведущую роль играли комплексы типа Дручак-В, Уптар, выступавшие трансляторами на Камчатку многих культурных элементов (клиновидные микронуклеусы, лыжевидные сколы, овальные и листовидные бифасы), характерных для осиповской культуры Амура, дюктайской культуры Якутии и стоянок верхней Колымы. Взаимоотношения населения Северного Приохотья и Камчатки были неодинаковыми в разные периоды раннего голоцена. Наиболее интенсивно они развивались в бореальный период в процессе потепления, смещения к северу границ ландшафтных зон – 9 200 – 8 500 л.н. и прекратились с наступлением сильного, хотя и кратковременного, похолодания 8 300 – 7 900 л.н. [Хотинский, 1977, с. 159 – 162]. Этнокультурные контакты Приохотья с Камчаткой возобновились лишь в неолитическую эпоху.

Основные местонахождения неолита Северного Приохотья открыты на водоразделах Охотско-Колымского нагорья в верховьях рек Яна, Армань, Ола, Яма, впадающих в Охотское море. Наиболее ранней из них в настоящее время считается стоянка Хуренджа VIII в верховьях р. Олы (радиоуглеродные даты нижних слоев в интервале $5\,210 \pm 170$ л.н. – $6\,900 \pm 430$ л.н.) [Слободин, 1988, с. 127 – 137]. Каменный инвентарь стоянки включает конические и призматические нуклеусы, ретушированные с вентральной стороны ножевидные пластинки, вкладыши на пластинках, черешковые наконечники стрел, треугольные наконечники стрел с прямым и выемчатым основанием, полиэдрические резцы с ретушированными рукоятками, концевые и боковые скребки на отщепах, небольшие овальные по форме шлифованные подвески. По мнению С.Б. Слободина, стоянки типа Хуренджа VIII представляют ранний этап неолитической эпохи Северного Приохотья. К среднему этапу неолита он относит стоянки Хуренджа II, Усть-Нил, Ола I. По сравнению с предшествующим этапом каменные индустрии этих комплексов отличаются большим разнообразием орудийного набора, совершенством техники вторичной обработки. Так, на стоянках широко представлены ножевидные пластинки-вкладыши, тщательно ретушированные по одному или двум краям, треугольные наконечники стрел с прямым, симметрично или асимметрично выемчатым основанием, с жальцем у основания. Появляются бифасиально обработанные ножи овальной и подтреугольной форм. Большую серию составляют резцы, среди которых выделяются полиэдрические скребки двух типов – концевые и боковые на отщепах. Фрагменты глиняных сосудов немногочисленны. На стоянке Хуренджи II найдены

фрагменты со шнуровыми оттисками – “шнуровая керамика” [Слободин, 1995, с. 12 – 15].

Поздний этап неолита Охотского плато характеризуется материалами стоянки Хуренджа V. В отличие от ранних этапов в это время появляются крупные орудия: двусторонне обработанные ножи листовидной формы, листовидные наконечники копий, округлые скребки на крупных отщепах. По-прежнему встречаются шлифованные подвески, но по форме они не округлые и не круглые, а прямоугольные. По образцу угля из культурного слоя стоянки получена дата $4\,530 \pm 150$ л.н. [Там же, с. 15 – 16].

В целом каменный инвентарь выделенных С.Б. Слободиним трех этапов неолита по основным технико-типологическим показателям во многом тождественен, что указывает на генетическую связь рассматриваемых местонахождений Охотского плато. Наиболее представительны материалы средненеолитического этапа (Хуренджа II). Они находят, как справедливо отмечал С.Б. Слободин, прямые аналоги в белькачинской культуре (III тыс. до н.э.) Якутии. Сходными являются полиэдрические резцы, треугольные наконечники стрел с асимметричным жалом в основании, все типы скребков, клювовидные инструменты, а также фрагменты шнуровой керамики, считающейся четким критерием белькачинской культуры [Мочанов, Федосеева, 1980, с. 3 – 13]. Эти сходные элементы в материальной культуре стоянок неолита Северного Приохотья говорят о несомненном влиянии белькачинцев. Вместе с тем в белькачинской культуре отсутствуют черешковые наконечники стрел с треугольным или линзовидным поперечным сечением, вместо них имеются двусторонне ретушированные наконечники иволистной формы с овально-выпуклым основанием, которых нет в неолитических памятниках на Охотском плато. Черешковые наконечники (не напильниковидные) характерны для неолитических культур Дальневосточного региона (Приамурье, Приморье) (см., напр., [Окладников, Деревянко, 1973, с. 112 – 120, 171 – 183; История Дальнего Востока, 1989, с. 44 – 57]).

Около 4 тыс. л.н. начинается интенсивное передвижение континентальных охотников на оленей и рыболовов с верховьев рек Яна, Армань, Ола, Яма, Гижига на побережье Охотского моря. Во II тыс. до н.э. здесь происходит сложение высокоспециализированной культуры морских зверобоев с ярко выраженной приморской экономикой. В настоящее время известно свыше 100 поселений этой своеобразной культуры, расположенных вдоль Охотского побережья на протяжении более 100 км от п-ова Хмидовского на юго-западе до п-ова Тайгонос на Северо-Востоке, а также на западном побережье Камчатки и прибрежных островах. В ее развитии выделяется несколько последовательно сменяющихся хронологических этапов. Ран-

ний из них относится к финальному неолиту и датируется II – I тыс. до н.э., а самый поздний (представлен токаревской культурой) – 1 200 – 1 300 л.н.э. смыкается с этнографическим временем [Васильевский, 1971, с. 44 – 46, 130 – 137, 174 – 175; Лебединцев, 1990, с. 227 – 231]. Этнически приморская культура северного побережья Охотского моря определяется как древнекорякская. По типам жилищ, каменному и костяному инвентарю, орнаментальным мотивам на костяных изделиях она совпадает с корякской культурой [Васильевский, 1971, с. 139 – 147, 155 – 163; Jochelson, 1908, р. 453 – 460, 544 – 549, 725 – 726]. Первоначальное формирование корякской этнической общности произошло, видимо, во II тыс. до н.э. в северной части Охотского побережья в процессе интеграции разнородных компонентов. Главными среди них выступали неолитические культуры верховьев рек Яна, Армань, Ола, Яма континентального Приохотья, а также Приамурья (например, комплекс Тэбах). Они являлись субстратными для формирования культуры древних коряков, имели глубокие корни и генетически связывались с раннеголоценовыми комплексами типа Уптар, Дручак-В, которые, вероятнее всего, были начальным этнообразующим компонентом.

Как показывает сопоставление ключевых археологических материалов, коряки и ительмены имели разные основы в происхождении и не были связаны генетическим родством. Отнести ительменов к единой с коряками и чукчами языковой и этнической группе было предложено Л.И. Шренком, разработавшим палеоазиатскую концепцию о народах Сибири (см.: [Шренк, 1883 – 1903]). Языковеды и этнографы проследили диспропорции в аргументации Л.И. Шренка и отметили значительные различия в культуре и языке ительменов и коряков и чукчей [Вдовин, 1970, с. 30 – 36, 1973, с. 270 – 271; Скорик, 1973, с. 70 – 74; Прыткова, 1976, с. 56 – 88]. Особенности материальной культуры (конструкции жилищ, гарпунный комплекс, хозяйственная ориентация) протокоряков прослеживаются, как говорилось выше, и в археологических комплексах.

Совокупность фактов свидетельствует об особом генезисе корякской (корякско-чукотской) этнической общности. Общие элементы, которые наблюдаются в культуре и языке коряков и ительменов – результат их продолжительных контактов, он носит исторический, а не генетический характер. Отсюда важность определения взаимопроникновения культурных элементов не по поздним (XVIII – XIX вв.) чертам сходства, а по конкретным материалам в их “вертикальном разнообразии” – от ранних этапов до этнографического времени.

Активное продвижение протокоряков вдоль северо-западного побережья Камчатки началось в I тыс. до н.э., со времени сложения приморской экономики, что подтверждается многочисленными аналогиями в

каменном инвентаре (узко- и ширококлиновые ножи-бифасы с насадом-рукояткой, горбатые ножи, черешковые наконечники, скребки с черешком и грушевидные, тесла с линзовидным сечением и подшлифованным рабочим краем) токаревской и тарьинской культур. Взаимоотношения этих этнических общностей не всегда были одинаковыми. Вначале они носили чисто экономический характер (обмен). Следы обмена встречаются при раскопках поселений как на северо-западном побережье Приохотья (например, бухта Токарева), так и на восточном побережье Пенжинской губы (Уст-Палана, Ивашка I). Однако по мере продвижения на юг Камчатки корякские группы стали встречать вооруженное сопротивление аборигенного населения. Перемены во взаимоотношениях “соседей” начали проявляться с 1200 – 1300 гг. н.э. Появились поселения, укрепленные валами, получили распространение длинные костяные трех- и четырехгранные наконечники стрел, предназначенные для военных целей, костяные панцирные пластинки. Военные столкновения коряков и ительменов продолжались до включения Камчатки в состав Российского государства.

Все сказанное вносит существенные коррективы в традиционные взгляды об ительменах как о северо-восточных палеоазиатах. Отнесение их вместе с коряками и чукчами к единому семейству нуждается в очень серьезной критической проверке с точки зрения этнографии, лингвистики и антропологии. Что же касается корякско-чукотского генетического единства, то оно ни у кого из исследователей не вызывает сомнений. Вопрос лишь в том, когда произошла их этническая дивергенция.

В неолите Чукотки исследователи различают три хронологических периода: ранний (IV – начало III тыс. до н.э.), средний (III тыс. до н.э.) и поздний (II – начало I тыс. до н.э.) [Диков, 1979, с. 129 – 154; Кирьяк, 1989, с. 7 – 13]. Такая последовательность в принципе соответствует развитию неолитических культур Якутии [Мочанов, 1969, с. 79 – 182; Мочанов, Федосеева, 1980, с. 3 – 13; Федосеева, 1980, с. 174 – 207]. Найденные на чукотской стоянке Б. Нутенеут II фрагменты керамических сосудов с отпечатками сетки-плетенки сопоставляются с керамикой сылахской культуры Якутии (IV тыс. до н.э.) [Кирьяк, 1989, с. 7 – 8]. Фрагменты керамики с шнуровыми отпечатками со стоянок Западной Чукотки аналогичны керамике белькачинской культуры (III тыс. до н.э.) [Там же, с. 9]. К сожалению, стоянки раннего и среднего неолита Чукотки, за исключением стоянки Б. Неутенсут II (однослойная), не имеют четкой стратиграфии, в большинстве случаев их возраст и культурная принадлежность определяются на основе технико-типологического сравнения. Тем не менее распространение на Чукотке фрагментов керамики с отпечатками сетки-плетенки и шнура бесспорно указывает на заметное влияние якутских неолитических культур.

Это воздействие усиливается в позднем неолите. В это время на территории Якутии развивается ымыяхтахская культура, а на Чукотке Н.Н. Диков выделяет две культуры: северчукотскую поздненеолитическую и усть-бельскую (II – начало I тыс. до н.э.) [1979, с. 134 – 161]. По нашему мнению, северчукотская и усть-бельская культуры типологически и этнически представляют два варианта одной культуры, связанные с разными ландшафтными и экологическими зонами.

В поздненеолитических культурах Чукотки прослеживаются ымыяхтахские и древнекорякские элементы. Наличие последних дает основание предполагать общую подоснову чукотско-корякской общности. Вместе с тем в материалах Усть-Бельского могильника (радиоуглеродные даты – $2\,860 \pm 95$ и $2\,900 \pm 95$ л.н.) проявляются эскимосидные черты [Там же, с. 154 – 157]. Череп из Усть-Бельского могильника характеризуется сочетанием признаков байкальского и арктического антропологических типов. Причем черты арктической расы преобладают [Гохман, 1961, с. 17]. В.П. Алексеев считал усть-бельский череп протоэскимосским [1967]. По-видимому, в конце I тыс. до н.э. происходила этническая дивергенция чукчей и коряков и усилились контакты чукчей с эскимосами. В проблеме этногенеза эскимосов, их связях и отношениях с палеоазиатами много сложных нюансов, требующих особого рассмотрения.

Выводы

В неолите на северо-востоке Азии складывается два очага автохтонного развития культур неолита – на Камчатке и в Северном Приохотье. Археологические материалы позволяют проследить преемственность культур неолита с более ранними голоценовыми комплексами. На Камчатке это ушковские стоянки, в Северном Приохотье – комплексы типа Уптар ($8\,260 \pm 330$ л.н.) и Дручак-В (бореальный период). Устанавливается длительное взаимодействие культур в процессе этногенеза ительменов и палеоазиатов. Культурные импульсы шли не только с запада (колымско-якутские), но и с юго-востока (приамурско-приморские). Не на всех этапах развития их влияние было одинаковым. На ранних этапах особенно проявляется влияние осиповской культуры Приамурья.

Анализ археологических материалов с учетом данных этнографии и лингвистики свидетельствует об особом генезисе корякско-палеоазиатской (корякско-чукотской) общности. Ительмены, оказавшиеся обособленными от палеоазиатов, более тяготеют к нивхско-айнской общности. Сложными и во многом дискуссионными остаются проблемы формирования и развития эскимосско-алеутской общности. Они нуждаются в специальном анализе.

Список литературы

- Алексеев В.П.** К краниологии азиатских эскимосов // Зап. Чукот. обл. краевед. музея. – 1967. – Вып. 4. – С. 10 – 15.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 252 с.
- Васильевский Р.С.** Древние культуры Тихоокеанского Севера. – Новосибирск: Наука, 1973. – 267 с.
- Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу.** Культура каменного века Северной Японии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 208 с.
- Вдовин И.С.** К проблеме этногенеза ительменов // СЭ. – 1970. – № 3. – С. 28 – 36.
- Вдовин И.С.** Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука, 1973. – 303 с.
- Воробей И.Е.** Неолитическая стоянка у села Гижига // Древние памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 123 – 136.
- Воробей И.Е.** Стоянка Дручак-Ветренный // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 24 – 51.
- Гохман И.И.** Древний череп с Чукотки // Зап. Чукот. обл. краевед. музея. – 1961. – Вып. 2. – С. 15 – 18.
- Дебев Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. – 1951. – Т. 17. – С. 264.
- Деревянко А.П.** Палеолит Японии. – Новосибирск: Наука, 1984. – 272 с.
- Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хон-Джон.** Селемджинская позднелитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н.** Палеолит Селемджи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 160 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Дитмар К.Д.** Поездка и пребывание в Камчатке в 1851 – 1858 гг. – СПб.: Б.и., 1901. – Ч. 1.
- Замятин С.Н.** Миниатюрные кремневые скульптуры // СА. – 1948. – Т. 10. – С. 80 – 86.
- История Дальнего Востока.** – М.: Наука, 1989. – 375 с.
- Кирьяк Р.А.** Археология Западной Чукотки, Среднего и Нижнего Приколымья и некоторые вопросы этногенеза юкагиров: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 19 с.
- Крашенинников С.П.** Описание Земли Камчатки. – СПб.: Б.и., 1755.
- Лапшина З.С.** Древности озера Хумми. – Хабаровск: Краевой комитет гос. статистики, 1999. – 206 с.
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.
- Левин М.Г.** Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1958. – 399 с.
- Мочанов Ю.А.** Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 254 с.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. – Якутск: Якут. ун-т, 1980. – С. 3 – 13.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Кн. изд-во, 1973. – С. 48.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Громатухинская культура. – Новосибирск: Наука, 1977. – 185 с.
- Пташинский А.В.** Предварительные результаты археологической разведки на полуострове Елистратова // Древние памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 87 – 99.
- Прыткова Н.Ф.** Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 5 – 88.
- Руденко С.И.** Культура доисторического населения Камчатки // СА. – 1948. – № 1. – С. 153 – 179.
- Слободин С.Б.** Новые неолитические стоянки Верхнего Приколымья (стоянки на озере Хуренджа) // Краевед. зап. – 1988. – Вып. 15. – С. 127 – 137.
- Слободин С.Б.** Исследования континентальной стоянки Уптар I в Северном Приохотье // Древние памятники Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 65 – 74.
- Слободин С.Б.** Каменный век Верхней Колымы и континентального Приохотья // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: КГУ, 1991. – Т. 1. – С. 15 – 16.
- Слободин С.Б.** Каменный век Верхней Колымы и континентального Приохотья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1995. – 18 с.
- Слободин С.Б.** Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 235 с.
- Слободин С.Б., Глушкова О.Ю.** Стоянка Хета – первый стратифицированный верхнелитический комплекс на Колыме // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. – Красноярск: КГУ, 1992. – С. 225 – 228.
- Скорик П.Я.** Об языковых отношениях аборигенов Крайнего Северо-Востока Азии. – Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – С. 70 – 74.
- Тюшов В.Н.** По западному берегу Камчатки // Зап. ИРГО. – 1906. – Т. 37, № 2.
- Федосеева С.А.** Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 215 с.
- Хотинский Н.А.** Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. – СПб.: Б.и., 1883 – 1903.
- Boas F.** The jesup North Pacific Expedition. Proceedings of the International Congress of Americanists 13 Ses. – N.Y., 1905. – P. 91 – 180.
- Bogoras W.** The Chukchee. The jesup north Pacific Expedition. – Leiden; N.Y., 1904 – 1909.
- Jochelson W.** The Koryak. – 1908. – 866 p. – (Memoir of the American Museum of Natural History; V. 6).
- Jochelson W.** Archaeological investigations in Kamchatka. – Wash., 1928. – 146 p.

Материал поступил в редколлегию 11.08.2000 г.